

ГОТЫ И ИМПЕРИЯ: ВОССТАНИЕ ГАЙНЫ КАК КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ

Д.С. Коньков

Томский государственный университет
E-mail: dkonkov@mail.ru

Рассмотрено восстание *magister militum* войск Восточной Римской империи Гайны в 399–400 гг. Данные источников об этом восстании интерпретированы с точки зрения возможности кризиса идентичности генерала готского происхождения в условиях римской политической культуры как причины и самого восстания, и его неудачи. Сделаны выводы о ведущем значении кризиса идентичности при провале политики интеграции готов-федератов первого поколения в римскую воинскую иерархию.

Ключевые слова:

Кризис идентичности, готы, варвары, федераты, Восточная Римская империя, Гайна.

Key words:

Identity crisis, Goths, barbarians, foederati, East Roman empire, Gainas.

Переселение готов в 376 г. на территорию Римской империи создало принципиально новые условия как для готов, так и для римлян. Необходимость выработать стратегии сосуществования, найти баланс между различными ментальностями и мировоззрениями породила множество пробных попыток, альтернатив взаимодействия со стороны и тех, и других. Вторая половина IV в. является исключительно показательной для исследования вариантов развертывания варварских и римских паттернов в их взаимном пересечении. Соприкосновение и взаимопроникновение двух культур, варварства и цивилизации, порождает характерные феномены исторического сознания, коллизии, связанные в первую очередь с кризисом идентичности. Подавляющее значение римской культуры для варваров заставляет готов обостренно воспринимать собственную идентичность как не-римлян, в то же время стремясь добиться успеха и признания в римской среде.

Характерным примером трагической амбивалентности подобных ориентиров являются Трибигильд и Гайна. К сожалению, в отечественной историографии этим фигурам уделено не так много внимания, как они его заслуживают. Именно через призму событий, связанных с этими персонажами, становится очевидной проблема соотношения варварства и цивилизации, различных мировосприятий, глубина противоречий между ними, в итоге подорвавшая фундамент империи и приведшая к образованию варварских королевств. В зарубежных исследованиях, напротив, эта проблема проанализирована достаточно полно и подробно, в первую очередь, А. Камероном и Т.С. Бернсом.

О Трибигильде сведения противоречивы, поскольку он не являлся заметной фигурой в имперской политике. Однако при этом практически все аутентичные источники упоминают Трибигильда в связи с его восстанием. Сократ Схоластик и Созомен утверждают, что Трибигильд являлся родственником Гайны [1. VI, 6; 2. VIII, 4]. А. Камерон делает из этого небезыntenесный вывод, что Трибигильд, вопреки общему мнению, принадлежал

не к готам-гревтунам, а к тервингам, причем именно к тому поколению, которое начинало службу в римской армии после договора с Феодосием, подобно Фравитте и Гайне [3. P. 114]. Таким образом, это был боевой офицер с долгой карьерой за плечами. Филосторгий называет его провинциальным комитом, что является достаточно скромной должностью за столь долгий срок службы [4. XI, 8]. Все эти авторы указывают на официальный статус Трибигильда в управленческой иерархии империи.

Несмотря на то, что Зосим подчеркивает, что Трибигильд командовал не римлянами, но варварами [5. V], А. Камерон не склонен абсолютизировать это утверждение как свидетельство в пользу рассмотрения самого Трибигильда как федерата, поскольку не доверяет точности формулировок Зосима в этом вопросе; кроме того, он обращает внимание на то, что Сократ Схоластик называет Трибигильда хилярхом войск во Фригии (аналогом трибуна) [3. P. 114–115]. По словам Клавдиана Трибигильд – готский дукс конницы (*Geticae dux improbus alae hic erat*) [6. V. 186]. Помня о том, что готская конница со времен битвы при Адрианополе означала гревтунов, исследователи считают этот пассаж еще одним доказательством гревтунского происхождения Трибигильда. Однако как имперский официал, он мог быть назначен командовать войсками любого происхождения вне зависимости от своего собственного [7. P. 168]. Поэтому нет ни одного упоминания того, что Трибигильд был провозглашен своими войсками королем, подобно Алариху; его восстание рассматривается прежде всего как итог недовольства своим статусом в империи, результат незаслуженного игнорирования Евтропием его заслуг, возможно, невыплаты жалования [6. V. 188–189]. При этом в равной степени и Клавдиан, и Зосим упоминают о горячем, вспыльчивом, свирепом нраве Трибигильда как важном факторе в его восстании, очевидно, подчеркивая спонтанность и необдуманность подобного решения.

В свою очередь, Зосим, Сократ Схоластик, Созомен утверждают, что восстание Трибигильда было

заранее спланировано и инспирировано Гайной с целью узурпации власти в империи [5. V; 1. VI, 6; 2. VIII, 4]. По словам Созомена, Гайна целенаправленно набирал своих земляков и назначал родственников на посты трибунов и хилиархов, чтобы добиться собственного возвышения. С точки зрения Т. С. Бернса, это неудивительно. После убийства Руфина Гайна назначен *magister militum per Thracias* провинции, где не было военного контингента, но жили готские федераты. Как пишет Т. С. Бернс, армия Гайны существовала только на бумаге и состояла из новобранцев; он занимался рекрутированием и тренировкой новых готско-римских отрядов [7. P. 155, 169]. Отсюда вполне закономерно представляются сведения Созомена, Гайна действительно на законном основании должен был набирать в римскую армию своих соплеменников-готов, и содействие в продвижении по службе собственным родственникам не свидетельствует о злостном заговоре.

Тем не менее, А. Камерон и Х. Вольфрам расценивают подобные взгляды в источниках как небезосновательные: маневры Гайны, отправленного на подавление восстания, не поддаются, с точки зрения исследователей, другому разумному объяснению [3. P. 117; 8. С. 215]. Он совершает все возможные стратегические и тактические ошибки, ослабляя собственную армию, и под предлогом угрозы со стороны Трибигильда требует от императора Аркадия смещения Евтропия и нескольких других министров. Более того, Гайна назначает императору встречу в Халкедоне, и Аркадий приезжает на нее и заключает с Гайной договор, очевидно, практически передавая в его руки командование армией и соглашаясь на все иные условия [5. V; 1. VI, 6]. Среди этих условий присутствовала и необходимость мирного соглашения с Трибигильдом, которое и было, по всей видимости, заключено, поскольку, по словам Зосима, далее Гайна и Трибигильд действуют скоординировано, переправляясь через Геллеспонт в Европу [7. P. 171]. Очевидно, для этого Гайной и было выдвинуто требование сместить Евтропия, поскольку тот противился любым предложениям договора с восставшими.

Исходя из контекста событий, Гайна действительно добился того, что требовал от него император: смог справиться с восстанием Трибигильда. Последний вскоре умирает, восстание самопроизвольно выдыхается, формирования Трибигильда переподчиняются Гайне. Гайна с войском располагается в Константинополе в роли диктатора. Т. С. Бернс правомерно ставит вопрос о том, почему Гайна не сделал этого раньше, когда у него была возможность контролировать Восток в роли наместника Стилихона после убийства Руфина, и отвечает на него предположением, что в тот момент Гайна был на это не способен или не пожелал для себя подобной роли [7. P. 154]. Х. Вольфрам также видит Гайну как неуверенного в себе, заурядного командира, добившегося больше власти, чем он мог удержать [8. С. 215]. Т. С. Бернс, впрочем, оценивает лич-

ность Гайны не столь негативно, видя в нем ветерана военной службы, человека действия, потерявшего терпение в политике и интригах двора [7. P. 173].

Действия Гайны в Константинополе действительно напоминают мероприятия военной диктатуры, решительные и спонтанные, видимо, ситуативные. Все они указывают на то, что Гайна не выступал в качестве предводителя конкретно готского контингента и не защищал интересы готской идентичности, а был римским генералом, попытавшимся править именно римскими гражданами. Даже его требование передать одну из церквей Константинополя арианам, готам, нельзя воспринимать как проявление готской идентичности или стремление к самостоятельности готов в рамках империи, а, скорее, как прагматическое соображение для создания возможности держать в городе постоянный гарнизон из верных солдат, преимущественно готов. Более того, удовлетворение подобного требования только способствовало бы дальнейшей интеграции готов в восточно-римское общество. Однако под серьезным давлением Иоанна Златоуста император отказывает Гайне, о чем подробно говорят историки церкви Теодорет [9. P. 199–200] и Созомен [2. VIII, 4].

Отсутствие арианской церкви в городе объясняет причину, по которой Гайна был вынужден покинуть Константинополь, чтобы обратиться к богу. В этом Сократ Схоластик, Созомен и Филосторгий единодушны, излагая чудо спасения императорского дворца от варваров. При этом необходимо отметить структурные элементы мифа, в особенности проявляющиеся в повествовании Сократа Схоластика. Гайна посылает солдат, чтобы ночью поджечь дворец императора, однако на страже дворца стоят ангелы господни в облики могучих воинов, и варвары Гайны устрашаются и возвращаются ни с чем. Трижды это повторяется, на четвертый раз (у Созомена – на третий) сам Гайна отправляется убедиться в наличии у дворца сильной охраны, однако не верит в ее божественное происхождение. Тем не менее, представившись одержимым демонами, он выезжает из Константинополя для молитвы в церкви [1. VI, 6; 2. VIII, 4; 4. XI, 8].

Зосим, в свою очередь, трактует это событие совершенно в ином ключе, как следствие усталости Гайны от военных тягот и необходимости отдохнуть в спокойствии на загородной вилле – что, с точки зрения Зосима, являлось предлогом, чтобы атаковать Константинополь и снаружи, и изнутри [5. V]. Слова христианских и языческого авторов на деле не противоречат друг другу, поскольку для христианина одержимость демонами и бесами могла непосредственно связана с упадком моральных и физических сил.

В результате отсутствия Гайны и части его отрядов населения Константинополя, возмущенное его действиями, устроило стихийную резню готов, в основном, гражданских мирных жителей, как считает А. Камерон [3. P. 144]. В этой хронологии событий, в целом, общепринятой, исследователей

смушают только слова Евнапия, упоминающего о том, что Гайна ушел из густонаселенной и роскошной гробницы, чьи обитатели еще не похоронены. А. Камерон предполагает возможность того, что Гайна покинул город только после избиения готов, опасаясь за свою собственную жизнь [3. Р. 174], однако О. Мэнхен-Хелфен выдвигает более интересную гипотезу: для Гайны, как для всех готов, римляне в городах были как птицы в гнезде, шумные, суетливые и бестолковые, и его психика не выдержала долгого пребывания в столице [10. Р. 179]. Такая точка зрения характерно обособляет готов, делает пасторальность их специфической чертой и вносит новое видение в трактовку отношений готов и римлян, однако сама по себе является спорной, хотя бы в свете того, что, будь подобное отношение к городам действительно распространено в готской среде, никакой речи о тысячах готах-жителей Константинополя не могло бы идти.

Кроме того, А. Камерон сомневается в мотивах Гайны к уходу из Константинополя, предложенных Зосимом [3. Р. 202]. В подробном анализе этого эпизода исследователь раскрывает также и значимый в контексте взаимоотношений готов и римлян вопрос о составе войск Гайны. Действительно, все источники, рассматривающие восстание Гайны, и в первую очередь Зосим, указывают на то, что Гайна возглавлял варваров-готов. Однако при этом очевидно, на что указывает А. Камерон, что, будучи назначен *magister militum praesentalis*, Гайна командовал не только федератами, но и собственно регулярной римской армией [3. Р. 204–205]. В небольшой степени подтверждают тот факт, что в армии Гайны присутствуют непосредственно сами римляне, изображения триумфальной колонны Аркадия, посвященной победе над мятежным генералом: Т.С. Бернс отмечает, что в сценах битв на этой колонне нет никаких особо отличающихся внешним видом варваров, все фигуры одеты в стандартные римские воинские облачения [7. Р. 174]. Сам Зосим говорит о том, что у Гайны были последователи-римляне [5. V]. Таким образом, Гайна получил высшую военную должность Восточной империи, все его требования выполнялись императором, семья жила в поместье в Константинополе, войска состояли из тех же римлян — никакого резона замысливать ограбление города или сожжение императорского дворца, как убежден А. Камерон, у него не могло быть. Единственное объяснение подобных сведений у Зосима, затем подхваченных другими авторами, для А. Камерона состоит в том, что Зосим писал свою хронику после 410 г., то есть после сожжения Рима Аларихом, и допустил сознательную или безотчетную контаминацию фигур Гайны и Алариха [3. Р. 205–206]. Между тем, если для Алариха сожжение Рима было актом возмездия за неоднократные неудачные попытки осады, устранившие равеннского правительству ради выгодного соглашения — характерная для Алариха тактика, как было рассмотрено выше, — то у Гайны и так уже было все, что он хотел и к чему стремился.

Некоторую ясность в события в Константинополе, связанные с Гайной и готами, вносят сведения Синезия в его эссе *De providentia*, проанализированное в этом контексте А. Камероном. Синезий пишет о том, что на войска готов, находящихся в городе, внезапно напал панический ужас, внесший хаос и беспокойство в их ряды и заставивший в итоге их бежать. Происхождение этого беспричинного ужаса Синезий связывает с божественными силами [11]. Как заметно, элемент божественного вмешательства, одержимости, устрашения присутствует практически у всех авторов источников, кроме совершенно рационального в этом месте Зосима. Однако слова Синезия наиболее весомы, так как он был очевидцем описываемых событий. Он в подробностях говорит о том, что командир готов был поражен ужасом, приходившим по ночам, и этот ужас распространился на все его войска. Синезий предполагает, что причиной этого были корибанты, мифические жрецы Кибелы. Учитывая вакхическую природу корибантов и трактовку Кибелы в синкретическом римском пантеоне как покровительницы империи, подобное предположение объяснимо. Готы, по словам Синезия, то хватались за оружие, угрожая неведомому врагу, то жалко тряслись в страхе. В конечном итоге они решили покинуть город, вместе с семьями и имуществом. Синезий также описывает ситуацию, приведшую к эскалации конфликта между готами и жителями Константинополя: уходящих заметила старуха и обратила против них гнев окрестных жителей словами, явно исходящими от самого Синезия — критикой готов за их пренебрежительное отношение к благам империи, чести гражданства и службы Риму. Готы попытались ее убить, однако некто божественный в облики человека обратил оружие готов против них самих [12].

А. Камерон трактует рассказ Синезия как отражение роста напряжения между римлянами и готами в результате непопулярных действий Гайны. Последний становится ненавистен жителям Константинополя, это отношение переносится на его войска и в целом готское население города. Отсюда тревога, которая обуревает готов в Константинополе, как предчувствие столкновения [3. Р. 217]. Именно поэтому и Гайна представляется одержимым демонами — это можно трактовать как тревогу и панические состояния — и предпочитает выехать из города, так же поступают и ряд готских семей. Следует сделать вывод, что именно это спровоцировало население Константинополя к восстанию и массовой резне готов. При этом недовольство было направлено скорее персонально на Гайну, нежели на готов вообще; резко антиварварские взгляды Синезия были более исключением, чем правилом. Против преемника Гайны на посту *magister militum Фравитты*, также гота, ни население, ни правительство не высказали возмущения. Следовательно, именно действия Гайны и его решения повлекли за собой подобные последствия, свою роль сыграли особенности его личности и личных установок.

Переворот Гайны являлся очередной попыткой осуществления интеграции варварской и римской идентичностей на основе римских механизмов властного взаимодействия. Полководец варварского происхождения, не меняя структуры римского управления, попытался ее контролировать [13. Р. 84]. Однако его методы не смогли обеспечить прочное положение, а император при первой возможности объявляет его врагом народа. Более того, императору оспаривается лояльность другой генерал-гот, Фравитта, благодаря которому Гайна терпит поражение. Следовательно, имперские институты во времена Гайны сохраняют общественную поддержку и авторитет, в том числе и среди готов, а способность Гайны контролировать императора и горожан была им переоценена. Гайна не решается на прямое свержение императора и вообще, судя по характеристике источников, не очень понимает, что должен делать в сложившейся ситуации.

В то же время характерны ожидания римлян от правления Гайны: разорение и погромы, убийства и казни – в отношении не только жителей Константинополя, но и всей империи [1. VI, 6]. И Зосим, и Филосторгий, и Созомен убеждены в планах Гайны взять и разграбить столицу [2. VIII, 4; 4. XI, 8; 5. V]. Никакого разумного основания для подобного убеждения, кроме идентификации Гайны с обобщенным образом варвара в сознании этих историков, предложить невозможно. Действительно, упрочению стереотипного понимания готов как стихийной разрушительной силы способствовали и готские войны Феодосия Аларих, и Трибигильд.

Гайна же, очевидно, претерпевает кризис идентичности, поскольку реализуемый им сценарий выходит за рамки габитуального поля племенного сознания гота, римского федерата или генерала. Он добивается высшего военного поста при дворе, получает привилегии и практически неограниченную власть, очевидно, ориентируясь на своего бывшего командира Стилихона. Однако Гайна встречается с принципиально иным отношением к своим действиям, нежели ожидал, и ситуация в Константинополе этим отличается от ситуации в Риме. Этим объясняется его нерешительность и упущенные возможности при благоприятных обстоятельствах. Более того, столкнувшись с противостоянием в Константинополе и угрозой со стороны войск Фравитты, Гайна предпочитает отступить сначала во Фракию, а оттуда – в Малую Азию.

Оценка источниками Гайны здесь расходится, поскольку мотивы его действий описаны, исходя из разных идентичностей. Зосим и Филосторгий считают Гайну в первую очередь варваром, предполагая главной его целью грабежи и разорение римских земель. Сократ Схоластик и Созомен, напротив, контекстно характеризуют Гайну как узурпатора власти, стремящегося к императорскому престолу, восточные провинции должны были бы стать опорой для осуществления этой цели. Х. Вольфрам

полагает, что в Малой Азии Гайна рассчитывал на поддержку своих соплеменников, то есть расценивает этого персонажа в первую очередь как гота [8. С. 216]. Эти разночтения отражают не только отличия во взглядах авторов, но и собственно суть личности Гайны в этот период – фрустрация, распад сложившихся паттернов и установок, кризис самоопределения. Потерпев неудачу в поисках места в римской социально-политической системе, Гайна закономерно обращается к своему готскому альтер эго, но при этом пытается использовать умения, полученные на службе Риму. Отступление в Малую Азию целесообразно и с позиций варвара-гота, и с точки зрения римского командира.

Будучи разгромленным при переправе Фравиттой, Гайна, по свидетельству Зосима, бежит за Дунай, на землю своих предков, предварительно казнив всех сопровождавших его римлян [5. V]. Невозможно придумать более символический жест отказа от всего римского. Неудачи преследуют Гайну там, где он следует римским принципам, и он обоснованно может сделать вывод о необходимости полного отказа от них, закрепляя это решение убийством собственных сторонников-римлян. Уходя за Дунай, Гайна пытается полностью избавиться от всего римского наследия, любых элементов физической и духовной связи с римским габитусом.

Х. Вольфрам считает, что Гайна за Дунаем пытался возродить готское потестарное единство, его войска стали центром сопротивления гуннам и знаменем антигуннской борьбы для задунайских готов, поэтому для гуннов было принципиально уничтожить этот очаг сопротивления и его потенциального вождя [8. С. 216]. Эту точку зрения поддерживает и О. Мэнхен-Хелфен, отмечая, что голова Гайны была доставлена в Константинополь за 11 дней – это означало, что Гайна переправлялся через Дунай в районе ближайшей к Константинополю и самой лучшей дороги и мгновенно был перехвачен гуннами [10. Р. 59]. Это говорит, с одной стороны, о стремлении Гайны покинуть границы империи по возможности скорее, а с другой, – об отсутствии в его действиях рационального содержания, исключительно эмоциональной и негативной мотивации поступков. Учитывая потери в его войсках и убийство римлян, силы Гайны явно были немногочисленны, а переправляясь в столь очевидном месте, он неприкрыто подставлял их под удар гуннов.

В целом, факт отправки гуннами в Константинополь головы Гайны, сохраненной в соли (о котором упоминает и Филосторгий [4. XI, 8]), вызывает сомнение в том, что Гайна представлял для гуннов какого-либо рода опасность, в противном случае интересы Константинополя для гуннов не имели бы значения. Образ действий гуннов скорее подразумевает стремление получить награду за казнь бежавшего преступника. Отсюда переход Гайны через Дунай следует расценивать как сознательный и несколько ритуализированный суицид человека,

утратившего жизненные ценности и ориентиры, но существующего в рамках родовой системы и глубоко привязанного к своим корням.

Выводы

При сохранении собственно готской идентичности, что имело место в случае данных прецедентов, паттерны традиционного сознания отношения к императору как к верховному вождю, военачальнику и дарителю заставляют воспринимать как оскорбление игнорирование воинских заслуг и понижение статуса, мнимое или действительное. Недовольство и восстание, начинающиеся в подобных ситуациях, по сути, вызваны желанием сохранить лицо, однако в рамках империи с необходимостью приобретают иной контекст — варварского набега. Однако в этом случае многогранность идентичности готских командиров римской армии играет роль предопределения развертывания системных событий. Потестарная структура империи предполагает ординарный механизм перехода властных

полномочий через военную узурпацию, появление солдатских императоров; отсюда успешное восстание, каковым было восстание Гайны, исходя из имперских системных трендов, должно закончиться инаугурацией нового императора. Однако действия Гайны определяются варварской идентичностью и не имеют целью или даже возможностью смену императора; Гайна желает только утвердить свой статус и авторитет. Критическое несоответствие ожиданий обеих сторон, когнитивный диссонанс ментальностей обуславливает растерянность Гайны и агрессию жителей Константинополя. В результате Гайна, не найдя вариантов выхода из создавшегося положения, демонстративно отрекается от имперского начала как предательского и предпочитает погибнуть в бою с гуннами, традиционным врагом и такими же варварами, чей контекст сознания более для него очевиден. Пример Гайны чрезвычайно показателен с точки зрения конфликта идентичностей, с которым сталкивались, потенциально или актуально, варвары на службе империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Ecclesiastical History of Socrates Scholasticus // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. VI, 6. — New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. — 773 p.
2. The Ecclesiastical History of Sozomen // Socrates and Sozomenus Ecclesiastical Histories. VI, 6. — New York: Christian Literature Publishing Co., 1886. — 773 p.
3. Cameron A., Long J., Sherry L. Barbarians and politics at the Court of Arcadius. — Berkeley: University of California Press, 1993. — 441 p.
4. Epitome of the Ecclesiastical History of Philostorgius URL: <http://www.ccel.org/ccel/pearse/morefathers/files/philostorgius.htm> (дата обращения 22.12.2011).
5. Zosimus. New History. — London: Green and Chaplin, 1814. — 249 p.
6. Claudian. In Eutropium II URL: http://penelope.uchicago.edu/Thayer/L/Roman/Texts/Claudian/In_Eutropium/2*.html (дата обращения 22.12.2011).
7. Burns T.S. Barbarians within the Gates of Rome. — Bloomington: Indiana University Press, 1994. — 417 p.
8. Вольфрам Х. Готы. — СПб.: Ювента, 2003. — 656 с.
9. The Ecclesiastical History of Theodoret. — USA: Kessinger Publishing, 2004. — 220 p.
10. Maenchen-Helfen O. The world of the Huns: studies in their history and culture. — Berkeley: University of California Press, 1973. — 602 p.
11. Synesius' Egyptian Tale. 2.1 URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_providence2_1.html (дата обращения 22.12.2011).
12. Synesius' Egyptian Tale. 2.2 URL: http://www.livius.org/su-sz/synesius/synesius_providence2_2.html (дата обращения 22.12.2011).
13. Treadgold W.T. A history of the Byzantine state and society. — Stanford, California: Stanford University Press, 1997. — 1019 p.

Поступила 18.01.2012 г.